Е.А. Верховская

ОБРАЗ СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В ПРЕДИСЛОВИЯХ ЕПИФАНИЯ ПРЕМУДРОГО И СИМОНА АЗАРЬИНА

(к 600 – летию со дня смерти Сергия Радонежского)

Образ Сергия Радонежского оказал необычайное влияние на русскую культуру. Нравственный подвиг преподобного Сергия, самой жизнью своей воплотившего идею любви, примирения людей друг с другом, был оценен еще его современниками. Сергий Радонежский "укреплял авторитет великого князя Московского" [1], словом своим прекращая вражду с удельными князьями Борисом Константиновичем Суздальским и Олегом Ивановичем Рязанским. Данное Сергием благословение Дмитрию Ивановичу на битву с полчищами Мамая в народном сознании связывалось с самим исходом сражения.

Однако имя Сергия Радонежского ассоциируется не только с конкретными реалиями борьбы русского народа против татарского ига или процессом формирования великорусской народности, усилением централизованного Московского государства. Преподобный Сергий явился светочем русской духовности, воплотив идеал нравственного самосовершенствования.

Пустынножительство Сергия не было лишь его личным делом спасения собственной души; подвижничество преподобного служило "высокой идее возрождения морально-нравственного идеала монашества" [2] раннего христианства на Руси четырнадцатого столетия. Троицкая обитель, основанная Сергием Радонежским на основе общежительного принципа – киновия, исключавшего личную собственность монахов, восстанавливала уклад, впервые введенный преподобным Феодосием Печерским в Киево-Печерской Лавре.

Завет Сергия: "Никому ничего своим не называть, но все общим считать", – предопределил особую популярность Троицкого монастыря

среди буквально всех слоев русского общества на протяжении многих веков.

Образ Сергия Радонежского,воплотивший идеи единения русского народа и нравственного совершенствования человеческой личности, являлся и является необычайно притягательным для писателей и художников.Как правило,интерес к нему значительно возрастал в переломные моменты русской истории.

Так на протяжении бурного семнадцатого столетия к образу преподобного,его житию и особенно к посмертным чудесам обращались Герман Тулупов,Симон Азарьин,Симеон Полоцкий,Димитрий Ростовский.

Древнейший текст Жития Сергия Радонежского был создан его учеником,иноком Епифанием Премудрым.Обитель Сергия уже при жизни преподобного превратилась в крупнейший центр духовной культуры Северо-Восточной Руси.Сложившиеся здесь нравственно-трудовые нормы и художественные принципы определили филосовские и эстетические основы мировоззрения Епифания.Житие Сергия Радонежского было написано примерно в 1417-1418 годах,через 26 лет после смерти Сергия Радонежского,как следует из текста предисловия.Епифаний к тому времени уже снискал славу талантливого агиографа Словом о житии и учении Стефана Пермского.

Поэтико - стилистические особенности этого литературного произведения во многом определили своеобразие творческой манеры Епифания в целом.Слово о житии и учении Стефана Пермского буквально пронизано свободными цитатами из библейских книг,в первую очередь,Псалтыри.Великолепное владение словом,интерес к его звуковой и эстетической стороне,умение насладиться его музыкальностью и способность передать это ощущение своим читателям,создание целых риторических конструкций,построенных на обыгрывании какой-нибудь одной лексемы,- все это характеризует агиографический стиль Епифания Премудрого.

Несомненное влияние блистательных образцов античного красно-

речия,в том числе риторических вариаций типа "Георгиевой схемы", соединяется у Епифания с поэтическими средствами,разработанными представителями школы патриарха Евфимия.Слово о житии и учении Стефана Пермского позволяет видеть в Епифане Премудром ярчайшего представителя стиля "плетения словес" в русской агиографии.

Созданное Епифанием Премудрым Житие Сергия Радонежского в жанровом отношении представляет собой своеобразный "ансамбль", все компоненты которого выдержаны в единой тональности.Труд Епифания открывается предисловием,за которым следует основной текст Жития,разбитый на 30 глав; Слово похвальное писатель увенчал достаточно кратким текстом Молитвы.Все эти литературные произведения об'еденены в единый агиографический комплекс самой тематикой и образом автора.

Эмоциональность повествования,предельная экспрессия,стремление к абстрагированию в соединении с интересом к чувственно воспринимаемой стороне предметов составляют своеобразие Жития Сергия Радонежского,созданного Епифанием.

Текст Епифаниевской редакции издавна привлекавший внимание исследователей,органически соединил исторические реалии второй половины шестнадцатого столетия и легендарные сведения.Однако изначальный вид Жития до наших дней не сохранился,фрагменты его представлены в позднейших редакциях.Выявление оригинального изначального текста и освобождение его от многократных редакторских наслоений последующих столетий возможно благодаря ярко выраженному личностному началу и своеобразию агиографического стиля Епифания Премудрого.

Предисловие Епифания Премудрого к Житию Сергия Радонежского буквально пронизано автобиографическими мотивами.В целом текст Жития отмечен необычайным лиризмом,повествование многократно прерывается авторскими отступлениями.Уже рассказывая о жизни Сергия в миру,писатель как бы сомневаясь в правильности изложения сооб-

тий применяет "captatio benevolentiae" обычно встречающуюся в предисловии или послесловии,но не в основном тексте Жития:"Не зазрите же ми грубости моей,понеже до зде писах и продолжих слово о младенстве его и о детстве,и прочее о всем белецком житии его, елико бо аще и в мире пребываше .... показати же хощу почитающим и послушающим жития его,каков был измлада и издетства верою и чистым житием ..." [3](л.28 II счета).

Это,вдруг нарушающее ход повествования,обращение к читателям и слушателям об'ясняется не только особенностями автографического стиля Епифания,но прежде всего близостью автора своему герою.Особенно явно эта сопряженность автора и героя прослеживается в предисловии к Житию Сергия Радонежкого.Епифаний несомненно хорошо знал житийный канон,однако ориентация на традиционную схему лишь способствовала раскрытию его оригинального агиографического дарования.

Образ автора в предисловии Епифания чрезвычайно значителен: постоянно развиваемые мотивы смирения и кротости,восходящие к вышеупомянутой "самоуничижительной формуле"не снимают у читателей и слушателей ощущения высокого самосознания писателя.

"Како могу аз бедный в нынешнее время,Сергиево все по ряду житие исписати,и многая исправления его,и неизчетныя труды его сказати..." (л.3 об.II счета)."...яко немощен есмь и груб и неразумичен.Но обаче надеюся на милосердаго Бога ..." (л.5 об.II счета)."По лете же единем или двою попреставлении старцеве ... аз окаянный и вседерзый дернух на сие,воздохнув к Богу и старца призвав на молитву ..." (л.1 об.II счета).

За соотнесенностью образов автора и героя в ткани повествования видится нечто большее,чем традиционное самоуничижение инока перед основателем монастыря.Нравственная философия и трудовая мораль,воплощенные в житии и деяниях Сергия Радонежского,предопределили особенности мировоззрения и агиографического таланта Епи-

фания Премудрого.Древнерусский писатель сумел удивительно тонко соединить в своем предисловии к Житию Сергия Радонежского традиции византийского формуляра послесловий рукописей богослужебного содержания с элементами предисловий византийских исторических сочинений.Молитвенные обращения к Богу,мотивы смирения и кротости, преклонения перед Сергием Ражонежским в тексте Епифания не затушевывают высокоразвитого чувства авторского самосознания, ощущения исторической значимости труда писателя.

Своеобразие поэтико-стилистических средств,применяемых Епифанием в предисловии,а также особенности композиции не позволяют говорить о прямых заимствованиях из аналогичных текстов агиографов Древней Руси.Мотив молитвы,постоянно звучащий в тексте предисловия Епифания ("вздохнув к Богу и старца призвав на молитву"; "но обаче надеюся на милосердаго Бога,и на угодника его преподобнаго старца молитву";" аще не любовь и молитва преподобнаго того старца") лишь отчасти напоминают Молитву в поучении Владимира Мономаха.В творчестве Епифания Премудрого молитва имеет особое значение;она выступает важнейшим средством характеристики главного героя,выявляя своеобразие миросозерцания Сергия Радонежского.

Основатель Троицкой обители в своем понимании молитвы и ее назначения приближался скорее к взглядам раннехристианских подвижников,нежели к современным ему воззрениям исихастов.Уже с первых веков существования христианства под молитвой понималась "речь,обращенная из глубины сердца к богу,построенная по особым художественным законам" [4].Молитвенное состояние предполагало смирение обращающегося к Богу;"слезы" и" воздыхание" стали необходимыми атрибутами молитвы.

Слезная молитва исихастов была связана с концепцией безмолвия и уединения,молитва же Сергия Радонежского,как и его последователя Епифания Премудрого,отражала нравственно-трудовое направление деятельности игумена Троицкой обители.Не уход и ограждение

себя от мира,а "нестяжание,труд и стремление к нравственному совершенствованию" [5] пропеведовал всей своей жизнью Сергий Радонежский.

Как Сергий искал в молитве к Богородице моральной поддержки основанию им монастыря на Киржаче,так и Епифаний,"воздохнув к Богу и старца призвав на молитву " просит помощи преподобного в написании жития.Постепенное усиление в предисловии мотива молитвы перед Богом и Сергием Радонежским раскрывается Епифанием и при мотивировании написания им Жития игумена Троицкой обители;никогда бы автор не решился на это сочинение ,"аще не любовь и молитва преподобнаго того старца"(л.4 II счета).

Среди предисловий к русским агиографическим произведениям XI-XIV в.в. текст "грешнаго" Нестора заслуживает особого внимания как возможный источник произведения Епифания.Оба писателя ориентируются на известный в патристике принцип повествования "от многого мало";"аки от многа мало еже о житии преподобнаго старца" (л.2 II счета) поведал Епифаний;"..и от многа мала вписах"[6] Нестор в Житие Феодосия Печерского.

Агиографы осознают трудность предстоящего им повествования. Нестор,уже снискавший писательскую славу Сказанием о Борисе и Глебе признается :"...понудихся и на другое исповедание приити, еже выше моея силы" [7].Епифаний с присущей ему настойчивостью развивает эту же мысль,не ограничиваясь кратким замечанием:"..яко выше силы моея дело бысть ." (л.5 об.II счета).Ощущение непосильной ответственности предстоящей задачи Епифаний реализует в развернутом сравнении :"Яко же немощно есть малей лодии велико и тяжко бремя налагаемо понести,сице и превосходит нашю немощь и ум подлежащая беседа ...." (л.3 об.II счета).

Оба агиографа стремятся писать "по ряду",мотивируя необходимость создания жития Феодосия Печерского и Сергия Радонежского, они приводят евангельскую притчу о рабе,погубившем талант.Но вс

эти совпадения и параллели касаются лишь общих мест предисловий и послесловий древнерусских агиографических сочинений. Сходство принципов повествования Нестора и Епифания Премудрого - явление типологическое.

Оба писателя являлись иноками монастырей,основанными героями их произведений.И Феодосий Печерский и Сергий Радонежский занимали одну и ту же преподобническую ступень в церковной иерархии.Как мировоззрение Нестора определялось нравственной атмосферой Киево-Печерской Лавры,так и этико-филосовские взгляды Епифания Премудрого отражали учение Сергия Радонежского.Более того,основатель Троицкой обители при организации общего жития монахов ориентировался на духовные заветы Феодосия Печерского.

Выбор агиографами объекта повествования предопределил принадлежность их сочинений к одному и тому же жанру преподобнического жития.Однако обращения к читателям Нестора и Епифания Премудрого позволяют судить о своеобразии их писательского дарования.Основной текст Жития Феодосия Печерского Нестор,как рамкой симметричной конструкции,обрамляет предисловием и послесловием.В последнем произведении Нестор приводит автобиографические сведения,в частности,факт своего пострижения и возведения "в диаконьский сан" игуменом Киево-Печерской Лавры Стефаном.

Предисловие к Житию Феодосия более канонично,воспроизводя элементы традиционного формуляра выходной записи.Епифаний несомненно хорошо знал и нравственные заветы Феодосия Печерского и тексты предисловия и послесловия Нестора.Опираясь на традиции древнерусских агиографов предшествующих столетий,Епифаний Премудрый создает свое предисловие к Житию Сергия Радонежского не как компиляцию,а как совершенно оригинальное произведение.Обращение агиографа к слушателям и читателям построено в форме автор ского монолога,звучащего от первого лица ("аз").Использование Епифанием самоуничижительной формулы,мотивы смирения и кротости не снимают

ощущения высокой авторской самоценки,понимания писателем значимости своего труда.Многократные об'яснения Епифанием причины создания Жития Сергия Радонежского призваны увлечь читателей и слушателей,заинтересовать их.

Подробности подготовительной работы писателя изложены им в форме внутреннего монолога,вставленного в основной текст предисловия:"Аз окаянный и вседерзый дерзнух на сие,воздохнув к Богу и старца призвав на молитву начах подробну мало нечто писати от жития старцева и к себе в тайне глаголя,аз не восхищаю ни перед ким же но себе пишю,памяти убо и ползы ради ..." (л.1 об.II счета). Обилие конкретных деталей,обстоятельное описание подробностей, сопровождавших сам процесс написания текста Жития создает эффект исторической достоверности.

Двадцать лет Епифаний вел записи о житии преподобного,"...ова убо в свитцех,ова же в тетратех аще и непоряду,но предняя назади,а задняя напреди".(л.2 II счета).За этим активным этапом последовали несколько лет,проведенных писателем в размышлениях о необходимости использования собранного им материала в тексте Жития.

О важности для Епифания желания "начати писати" свидетельствует использование им в данном фрагменте текста исключительно библейской поэтики:"....недоумением погружаяся,и печалию оскорбляяся,и умом удивляяся,и желанием побеждаяся...".(л.2 II счета).Данная вставка высокого стиля,построенная по типу ритмически организованных глагольных конструкций,буквально врывающаяся в ход прозаического повествования,призвана обратить внимание на чрезвычайную значимость предстоявшего труда.

Взволнованное обращение Епифания включает в себя и диалоги писателя с его современниками,переданные,однако,не в прямой форме,а в пересказе.Вопросно-ответная форма активно использовалась в средневековой христианской литературе,применение ее обычно было

связано с дидактической направленностью конкретного произведения. Использование Епифанием в предисловии к Житию Сергия Радонежского пересказа его вопросов "неким старцам премудрым" и их ответов представляет собой чисто литературный прием,призванный утвердить авторитет писателя,его права на создание Жития любимейшего русского святого.

Агиограф собрал в своем произведении все дошедшие до него сведения:"... и елика от старца слышах,и елика своима очима видех,и елика уведах от иже в'след его ходившаго время немало... и от его брата старшаго Стефана,бывшаго по плоти отца Феодору архиепископу ростовскому ...." (л.3 II счета).

Епифаний включил и свидетельства "инех старцев древних" - очевидцев рождения,воспитания и "книговычения" преподобного старца.Особый интерес для исследователей древнейшей редакции Жития составляет прямое указание в вышеприведенной цитате на непосредственное знакомство Епифания со своим героем:"... и елика от самого уст слышах".

Агиограф,все время сохраняя достойную дистанцию между образом автора и главным героем,стремясь вызвать у своих читателей и слушателей трепетное преклонение перед Сергием Радонежским,тем не менее считает необходимым подчеркнуть достоверность своего повествования,личную причастность к описываемым событиям. За этим признанием писателя стоит новозаветная традиция свидетельств евангелистов о Христе.Инок Епифаний ради правдивости своего рассказа о преподобном Сергие,просиявшем в земле "нашей русстей,и в стране полунощней,во дни наша,в последняя времена и лета" (л. 1 об. II счета) иногда сознательно отказывается от изощренного "плетения слова".Обращение агиографа к будущим "списателем,и сказателем,и послушателем" представляет собой талантливо написанное публицистическое произведение,призванное правдиво отобразить житие "святаго старца".

Почитание Сергия Радонежского во многом опиралось на агиографическое произведение Епифания Премудрого.Незаурядное мастерство писателя,определившее своеобразие содержания и стилистики предисловия к Житию Сергия Радонежского,было оценено книжниками Древней Руси.Оригинальные авторские обороты,особенности манеры повествования Епифания Премудрого повлияли на создание канона жанра предисловия в древнерусской агиографической литературе последующих эпох.

В своем исследовании Кирилло – Епифаньевского житийного выговского цикла Н.В.Понырко приводит текст предисловия к житию старца Кирилла, иногда дословно совпадающий с соответствующими фрагментами предисловия Епифания Премудрого к Житию Сергия Радонежского."...И аз видех и смотрех прилежно... И начах поминати оного старца,где когда что слышал.И писах на малые бумажки,что когда спомню.И помышлях,когда бы сие собрати во едину тетратку,но сумняхся ....И начах собирати вся письмена вкупе .Но писано все не вдруг и не порядочно,первое после,а последнее перво."[8].Писатели-старообрядцы середины XVIII столетия,стремясь воспроизвести все элементы древнерусского житийного канона,невольно сохранили традицию Епифания Премудрого в формировании жанра предисловия.

Если Епифаний Премудрый обращался прежде всего к самому Житию Сергия Радонежского,то Симон Азарьин,писатель бурного XVII столетия,концентрировал внимание современников на чудесах преподобного.Симон Азарьин (в миру Савва Леонтьев,сын Азарьин,по прозвищу Булат),подобно предыдущему агиографу,был монахом Троице-Сергиева монастыря.В течении многих лет он занимал достаточно высокие должности в монастыре:был 6 лет келейником троицкого архимандрита Дионисия Зобниновского,позже казначеем и келарем обители.Перу Симона Азарьина пренадлежат два агиографических произведения.а именно:Житие Дионисия Зобниновского и Книга о чудесах преподобного Сергия.

Лейтмотивом в этих двух различающихся по жанру памятниках звучат гимн и возвышенное поклонение и почитание Сергия Радонежского и Троице-Сергиевой лавры.Созданию Книги о чудесах предшествовала огромная работа Симона Азарьина по выявлению новых источников,общение с патриархом Иосифом,боярином Салтыковым, окольничим Михаилом Ртищевым,дьяком Ильей из Казани,писателями Иваном Наседкой и Семеном Шаховским.[9].

Книге о чудесах Симон Азарьин предпослал обширное предисловие,торжественно провозглашающее чрезвычайную актуальность почитания Сергия в середине XVII столетия.Писатель многократно подчеркивает высокий статус заказчика своей книги:"....изволением самодержца государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии","... сия же,яже от нас быша написана,самодержец ту же повеле напечатати" [10];"государь же царь и великий князь Алексей Михайлович изволил меня,келаря Симона,допросити о чудесах святаго Сергия ..." [11].

Книга о чудесах преподобного изначально должна была лечь в основу московского издания Служб и житий Сергия и Никона 1646 г. Однако сочинение Симона Азарьина не встретило понимания со стороны печатников Московского Печатного двора,отказавшихся вообще признать истинность некоторых посмертных чудес,совершенных преподобным уже в середине XVII столетия.Эта захватывающая по остроте сюжета история подготовки издания 1646 года отразила противоречия между Симоном Азарьиным и некоторыми печатниками государевой типографии,перешедшие со временем в открытую конфронтацию.

Небрежение печатников,их неверие в чудеса Сергия Радонежского,засвидетельствованные в эти же годы,по мнению Симона,привели некоторых из них к смерти ("в небрежении живот свой препроводима").Книжники Московского Печатного двора сочли возможным включить в состав издания лишь 35 чудес,позже в часть экземпляров по личному указанию царя Алексея Михайловича было добавлено чудо

новоявленном кладезе".Все эти подробности,связанные с изданием Книги,изложены в предисловии Симона Азарьина.

В состав книжного собрания Государственного музея - заповедника "Коломенское" входят 2 экземпляра издания 1646 года,один из них с допечатанными листами,другой без них.Таким образом,перепитии взаимоотношений писателя и печатников середины XVII столетия дошли до наших дней.

Предисловие Симона Азарьина,открывающее Книгу о чудесах преподобного Сергия,упоминает агиографов предшествующих столетий;в первую очередь Епифания Премудрого и Пахомия Логофета.Однако писатель середины XVII века видел цель своего сочинения в изложении посмертных чудес Сергия Радонежского,часть которых свершилась буквально на глазах самого Симона Азарьина.

Желание оградить себя от гнева "самого того преподобнаго" и "опалного слова " от государя за "неисполнением царева приказу" привело Симона к созданию Книги о чудесах.Умелое применение элементов агиографического канона,традиционные самоуничижительные формулы прекрасно сочетаются в тексте предисловия Азарьина с постоянными ссылками на авторитет "сильных мира сего".

Так истинность чуда о новоявленном кладезе писатель аргументирует фактами выздоровления патриарха Иосифа и царя Алексея Михайловича.За признанием писателя:"Не древние же повести хочу поведати,но ныне в лето 7152 (1644) ..." [12],стоит его стремление к достоверности своего повествования.Личное свидетельство Азарьина о совершившемся чуде,участие его в событиях ("Мы же слышавше сия ... и повелеша сия написати,а над водою повелеша кладец оделати,еже и доныне зрим есть.." [13]) отражают своеобразие исторического мышления агиографа переломного XVII столетия.

Образ Сергия Радонежского по-разному воспринимается и интерпретируется агиографами XV и XVII столетий.Это об'ясняется не только своеобразием их писательских дарований,поскольку ярчайший

талант Епифания Премудрого,как и его современника Андрея Рублева, предопределил развитие древнерусской культуры XIV – XV столетий.

Епифания,как непосредственного свидетеля,волновали важнейшие подробности и решающие эпизоды жития героя,повлиявшие на формирование самого учения Сергия Радонежского и его ближайших сподвижников.Симон Азарьин,спустя два с лишним столетия обратившийся к личности Сергия Радонежского,во главу угла ставил фактографическое описание именно посмертных чудес,совершенных преподобным в XVII веке,в том числе,в трагический период осады поляками Троицкой Лавры и в первые годы правления царя Алексея Михайловича.

ПРИМЕЧАНИЯ

1.Кусков В.В. Благодатный воспитатель русского народного духа. //Советская библиография.М.,1992.Вып.1.С.40.

2.Грихин В.А. Жанровое своеобразие агиографических сочинений Епифания Премудрого. //Проблемы типологии и историии русской литературы.Пермь,1976.С.212.

3.Службы и жития Сергия и Никона.М.1646.Далее текст предисловия Епифания цитируется по этому изданию.

4.Бычков В.В. Эстетика поздней античности.М.,1981.С.208.

5.Грихин В.А. Проблекмы стиля древнерусской агиографии.М., 1974.С.37.

6.Житие Феодосия Печерского.//Успенский сборник XII- XIII в.в. М.,1971.С.135.

7. Там же ......С.71.

8.Понырко Н.В. Кирилло-Епифаньевский житийный цикл и житийная традиция в выговской старообрядческой литературе. Труды отдела древнерусской литературы,т.XXIX.Вопросы истории русской средневековой литературы...

1974.С.С.156-157.

9.Уварова Н.М. Симон Азарьин как писатель середины XVII века . Автореферат кандидатской диссертации.М.1975.С.14.

10.Книга о чудесах преп.Сергия.Творение Симона Азарьина. //Памятники древней письменности и искусства.т.LXX (70). Спб.,1888.С.6.

11.- Там же.С.7.

12.- Там же.С.64.

13.- Там же.С.66.